

От редакции

Электронный научный журнал «Культурная и гуманитарная география», основанный на базе Центра гуманитарных исследований пространства Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, начинает свою работу. Мы задумали в этом новом издании собрать вместе разнонаправленные тенденции «культурного поворота» в географии и «пространственного поворота» в социальных и гуманитарных науках – словом, представить всю разнообразную палитру взаимоотношений человека/культуры и места/пространства.

Хотелось бы в первом номере обозначить нашу позицию по базовым научным категориям, составляющим своеобразную «систему координат» журнала. Сделать это оказалось непросто – даже в отношении вынесенных в заглавие терминов «культурная география» и «гуманитарная география» и даже в рамках узкого коллектива редакционной коллегии. Тем не менее, в рубрике «От редакции» мы представляем сегодня одну из точек зрения на проблему определения и разграничения культурной и гуманитарной географии – и приглашаем таким образом всех заинтересованных читателей к дискуссии. Надеемся, она будет конструктивной и плодотворной.

Приглашаем мы и всех – начинающих и уже состоявшихся – новых авторов к сотрудничеству с журналом. Присоединяйтесь!

ГУМАНИТАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И (САМО)ИДЕНТИФИКАЦИИ В РОССИЙСКОМ И МИРОВОМ КОНТЕКСТАХ

Иван Игоревич Митин,

кандидат географических наук,

старший научный сотрудник Центра гуманитарных исследований пространства
Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

E-mail: imitin@tut.by

В статье рассматривается содержание понятия «гуманитарная география» в различных трактовках. Обосновывается целесообразности рассмотрения гуманитарной географии в узком смысле как обособленной специфической российской междисциплинарной научной школы. Анализируются взаимосвязи понятий «культурная география» и «гуманитарная география». Исследуется соотношение гуманитарной географии в России и близких ей научных направлений в мировой географии («новая культурная география», гуманистическая география, «география и гуманитарные науки»).

Ключевые слова: гуманитарная география, культурная география, «новая культурная география», гуманистическая география

УДК 910.1+911.3:009

Две трактовки гуманитарной географии

Дискуссия о содержании и применении понятий «гуманитарная география» и «культурная география» в настоящее время занимает отнюдь не последнее место в публикациях по теории географии. При этом если частота употреблений этих терминов резко возрастает уже во второй половине 1990-х – первой половине 2000-х годов, сама дискуссия о содержании *уже употребляемых* понятий опаздывает, актуализируясь особенно во второй половине 2000-х годов.

Можно говорить о, как минимум, *двух различных полярных представлениях* о содержании понятия «гуманитарная география».

Широкая трактовка термина предполагает *замену* становящегося всё более громоздким обозначения «нефизической» географии – экономической, социальной, политической, а теперь и рекреационной – компактным термином «гуманитарная география». Так, Ю.Н. Гладкий предлагает обозначать так «русский эквивалент *human geography*» [Гладкий 2010: 23]. Он последовательно обосновывает неоднозначность и непригодность целого ряда других возможных вариантов обозначения указанной «половины» географической науки – например, терминов «общественная география» [Гладкий 2010: 23], «социальная география» [Гладкий 2010: 30-31], «антропogeография» [Гладкий 2010: 31], «география человека» [Гладкий 2010: 32].

Узкая трактовка термина предполагает закрепление наименования «гуманитарная география» за *специфическим* научным направлением, в фокусе внимания которого находятся всевозможные интерпретации пространства и места индивидами и группами людей – прежде всего ментальные представления о пространстве.

Д.Н. Замятин, основоположник этого направления, обозначает гуманитарную географию как «междисциплинарное научное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность» [Замятин 2010: 126]. В качестве основных направлений «узкой» гуманитарной географии называются образная (имагинальная) география, сакральная география, мифogeография, когнитивная география, а также представления о культурном ландшафте [Замятина, Митин 2007].

Обе позиции подверглись в последние полдесятилетия критике.

Так, Ю.Н. Гладким не только подробно разбирается и обосновывается широкая трактовка термина «гуманитарная география» [Гладкий, Петров 2008], но и критикуется как «дерзкая» и «некорректная» [Гладкий 2010: 34] гуманитарная география Д.Н. Замятина. Отмечается, что широкий и потенциально универсальный термин «гуманитарная география» в данном случае был соотнесён с весьма узким и специальным направлением, причём выходящим за строгие дисциплинарные рамки географической науки [см. Гладкий 2010: 34-39].

Неясности относительно содержательного охвата гуманитарной географии в узкой трактовке вносит разночтения в определениях дисциплины Д.Н. Замятиным в 1999-2005 гг. Так, в монографии «Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии» [Замятин 1999] термин вводится неявно: указано только, что гуманитарная география ориентирована «прежде всего на структурирование и чёткое оформление наиболее ярких географических образов» [Замятин 1999: 6]. После этого в более академичной монографии «Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов» возникает широкая трактовка гуманитарной географии, охватывающая «в содержательном плане геополитику (геополитологию) и политическую географию, геокulturологию и культурную географию, экономическую (социально-экономическую) географию и геоэкономику» [Замятин 2003: 5]. Параллельно там же намечается обозначение гуманитарной географии и как «системы методологических и теоретических подходов и приёмов» [Замятин 2003: 6]. Наконец, в 2005 году Д.Н. Замятиным указывается, что в отличие от культурной географии, гуманитарная география «может включать различные аспекты политической, социальной и экономической географии, связанные с интерпретацией земных пространств» [Замятин 2005: 332].

Весьма запутанная ситуация обнаруживается и при анализе употребления самого термина «гуманитарная география». Так, по всей видимости, впервые он вводится Д.В. Николаенко в 1984 году для обозначения нового качественного уровня теоретического обобщения в социально-экономической географии, ориентированного на целостную систему изучения деятельности общества и человека с учётом гуманистических тенденций [Николаенко 1984]. В 1995 году Е.М. Ковалёвым издано учебное пособие «Гуманитарная география России» [Ковалёв 1995], рассматривающее экономическую, социальную, политическую и культурную географию, но опять-таки с акцентом на запретные в советской географии темы. Ни одно из этих словоупотреблений нельзя, на наш взгляд, отнести к широкой трактовке гуманитарной географии – скорее речь идёт о попытках *создания автономного научного направления* с этим названием, все из которых следует по причине малоизвестности признать неудавшимися.

Резюмируя сложившуюся ситуацию с *употреблением термина* «гуманитарная география», А.Г. Дружинин критикует обе трактовки – и узкую, и широкую. В первом случае постулируется «опасность подмены частью – целого и, соответственно, создания нежелательных барьеров на пути последующей гуманизации <...> географической науки» [Дружинин 2011: 39]. Во втором случае ставится под сомнение необходимость «отказываться от исторически сложившегося, вмещающего и традицию, и доминантный тренд, и указание на комплексный обществоведческий объект (социально-экономическая сфера) наименования нашей науки [«социально-экономическая география»]» [Дружинин 2011: 39].

Более подробно обзор применения термина «гуманитарная география» в контексте процессов гуманизации и гуманитаризации географии (включая и обзор дискуссии, развернувшейся на страницах «Известий Русского географического общества» [Гладкий 2007; Исаченко 2008]) представлен в работах А.А. Соколовой [Соколова 2011а,б], а также в уже упоминавшихся статье А.Г. Дружинина [Дружинин 2011] и монографии Ю.Н. Гладкого [Гладкий 2010].

Нам же представляется важным обратить внимание на следующее существенное обстоятельство: все источники (как критикующие узкую трактовку гуманитарной географии, так и использующие её в своих собственных исследованиях) фактически свидетельствуют *об уже состоявшейся институционализации термина «гуманитарная география» в узком смысле*. За 13 лет, прошедших после появления гуманитарной географии как науки о географических образах [Замятин 1999], употребление термина в этой трактовке устоялось достаточно для того, чтобы его использование в других потенциальных смыслах стало невозможным без критики образно-географической трактовки.

Ещё более существенно обратить внимание не на форму (словоупотребление), а на содержание: за это десятилетие гуманитарная география как дисциплина о представлениях о географическом пространстве вполне оформилась как научное направление и специфическая научная школа.

Вместе с тем, мы считаем, что критика употребления термина «гуманитарная география» как в узком, так и в широком смысле, кратко приведённая выше, *вполне обоснованна*. К сожалению, обозначение научного направления, сфокусированного на изучение пространства и места семиотически и через интерпретации и репрезентации, как «гуманитарной географии» нельзя признать в полной мере удачным. Однако то же можно сказать и о других предложениях по использованию этого термина. В условиях наибольшей институционализации именно гуманитарной географии в узкой трактовке, следует, на наш взгляд, *придерживаться именно этого – узкого – толкования этого термина*. Важное условие для этого – необходимость обосновать, что эта гуманитарная география *несводима* ни к культурной, ни к гуманистической географии, ни к какой другой российской или зарубежной географической субдисциплине.

Таким образом, необходимо выявить отличительные особенности гуманитарной географии «в узком смысле» как самостоятельного научного направления в российском и мировом контексте. Для этого полезно рассмотреть её становление в процессе развития культурной

географии в СССР и России [Стрелецкий 2008; Митин 2011a] и в сравнении с тенденциями в зарубежной культурной географии во второй половине XX – начале XXI века [Митин 2012].

Гуманитарная география и отечественная культурная география

Итак, в советской географии культурная география была фактически «упразднена», и традиция, начавшая зарождаться в русской антропогеографической школе [Берг 1915] не получила продолжения. Культурная география была намечена, но на практике не реализована в статьях Н.Н. Баранского [см. Баранский 1960: 85], Р.М. Кабо [Кабо 1947], а позднее В.М. Гохмана [Гохман 1984] и С.Б. Лаврова [Лавров 1982], причём, прежде всего, как *социально-культурная* география. В практическом смысле первые работы по культурной географии появляются в середине 1980-х годов как исследования распространения (территориальной организации) артефактов культуры по территории [Агафонов 1984; Дмитревский, Дмитревская 1983; Дружинин 1989].

Отметим, что при этом учение о культурном ландшафте развивалось в рамках физической географии как изучение антропогенного ландшафта [см. Калущков 2008: 41-51; Ливинская 2012]. Параллельно близкие к культурной географии разработки проводились этнографами [см. Стрелецкий 2008].

При этом «география культуры», возникшая в самом конце 1980-х годов, не получила в 1990-е годы серьёзного развития, за исключением работ того же А.Г. Дружинина [Сущий, Дружинин 1994] и – отчасти – А.Г. Манакова [Манаков 2002].

Таким образом, возникновение на рубеже 1990-х – 2000-х годов нового научного направления, связанного с изучением пространственных представлений и символического освоения человеком ландшафта, происходило практически *без «оглядки» на предшествующие работы в области культурной географии*. С «географией культуры» 1980-х годов эта новая гуманитарная география практически ничего общего не имела; на декларации о необходимости социально-культурной географии советского времени не опиралась. Историческими предшественниками возникающей гуманитарной географии были объявлены хорологическая концепция А. Геттнера и, в меньшей степени, русская антропогеографическая школа Л.С. Берга – однако, и от того, и от другого крайне мало что было заимствовано.

По содержанию гуманитарно-географические работы появляются в конце 1990-х годов без упоминания и *без номенклатурной «привязки» к культурной географии*, несмотря на близость предметной области последней. В то же время, по В.Н. Стрелецкому, культурная география определяется как «междисциплинарное научное направление, объектом изучения которого является *пространственное разнообразие культуры и ее распространение по земной поверхности*» [Стрелецкий 2002: 18]. Характеризуя же предметную область культурной географии, В.Н. Стрелецкий *расширяет сформулированное определение*, фактически включая и гуманитарную географию в поле культурной. Четко выделяется непосредственно связанная с выделенным объектом предметная область культурной географии – «территориальное распространение отдельных элементов материальной и духовной культуры, их выраженность в ландшафте и связь с географической средой» [Стрелецкий 2001: 396]; пространственная дифференциация «элементов культуры – как артефактов, так и ментифактов» [Стрелецкий 2002: 18]. Однако, помимо этого, к предметной области культурной географии также отнесено изучение «*представлений о географическом пространстве* в разных культурных контекстах, образов различных местностей и территорий, отношения местных сообществ к той природной и социальной среде, в которых живут люди – носители той или иной культуры» [Стрелецкий 2002: 18].

Предпринятое В.Н. Стрелецким определение культурной географии, на наш взгляд, точно отражает *содержание* гуманитарно-географических и культурно-географических исследований в России в 1990-2000-е годы.

Ближе всего к культурной географии «в узком смысле» как исследованиям пространственного разнообразия культуры подходят уже упоминавшиеся выше работы по «географии культуры» А.Г. Дружинина и А.Г. Манакова. Этой же традиции во многом близко сообщество культургеографов, сложившееся вокруг семинара «Культурный ландшафт» в МГУ [см. Культурный... 1998, 2003], хотя концепция культурного ландшафта В.Н. Калуцкова, на наш взгляд, уже выходит за строгие рамки культурной географии по мере обращения к культурному ландшафту как «гуманитарно-информационной системе» [Калуцков 2008: 115-149].

Исследования же, развивающиеся вокруг концепций географических образов [Замятин 1999, 2003, 2006; Замятина 2001, 2004; Лавренова 1998; Чихичин 2006], регионального самосознания [Крылов 2003; Культурная... 2001], мифогеографии [Замятин и др. 2008: 193-245] и когнитивной географии [Замятин и др. 2008: 152-192], а также феноменологической [Каганский 2001] и информационно-аксиологической [Веденин 1997; Культурный... 2004] трактовок культурного ландшафта являют собой *особенную научную школу, отличную от культурной географии в узком смысле*.

Именно её становление и развитие в российской географии позволяет говорить о создании *гуманитарной географии как специфического научного направления*. В его рамках практически отсутствуют традиционные для культурной географии работы по изучению исторических и традиционных типов природопользования и расселения, этнических и субкультурных способов хозяйствования, региональных и местных особенностей архитектуры и планировки поселений, размещения конкретных артефактов культуры и т.п. Вместо этого акцент делается на все виды *представлений* о реальном пространстве. При этом особое внимание уделяется не массовым стереотипам, выявляемым путём обширных опросов, а формированию *отдельных* пространственных мифов и географических образов, которые либо выявляются в ходе экспертных интервью и анализа литературных источников, либо конструируются самими исследователями на основе данных полевых исследований.

С нашей точки зрения, гуманитарная география в России представляет собой специфическую междисциплинарную научную школу. При этом основное ядро её лежит в рамках географической науки и при этом постепенно расширяет предметную область последней. Что касается соотношения гуманитарной и культурной географии, то особенности (вос)становления последней в России в 1990-е гг. привели к формированию *вместо традиционной культурной географии* специфической школы гуманитарной географии. Культурной географии вне рамок гуманитарной географии в России практически нет (см. выше); в то же время, темы, концепции и методология гуманитарной географии весьма специфичны даже для культурной географии и, очевидно, серьёзно расширяют её предметную область (как мы показали выше при анализе определения В.Н. Стрелецкого).

Исходя из этого, *гуманитарную географию можно считать особой российской школой культурной географии, сформировавшейся в 1990-2000е года*, но только с учётом того, что в результате становления этой школы содержание самой культурной географии стало весьма специфическим.

«Новая культурная география» и гуманистическая география: в поисках российского аналога

Выше мы показали, что гуманитарная география не тождественна культурной географии, однако в специфических условиях России практически заменила собой последнюю. В общемировом контексте сказанное отчасти также справедливо, однако необходимо проанализировать значение и место российской гуманитарной географии в контексте *кардинальных изменений в статусе культурной географии 1970-2000-х годов*.

Так, в 1970-1980-е годы происходит несколько процессов, трансформирующих мировую культурную географию и приводящие к становлению своеобразной «*культурной/гуманистической географии*» [Rowntree 1986, 1988], объединяющей в себе и одну из гео-

графических субдисциплин (культурная география), и «сквозную» общегеографическую школу (гуманистическая география).

В школе «новой культурной географии», возникающей как раз в 1970-е годы, «*символические качества ландшафтов – те, что создают социальные значения – оказываются в фокусе исследований*» [Cosgrove, Jackson 1987: 96]. Культурная география переориентируется с исследований артефактов культуры на «ландшафты, представляемые как красочный способ репрезентации среды обитания человека» [Daniels, Cosgrove 1988: 8].

Параллельно гуманистическая география ориентирует географию в целом на изучение *понимания и осмысления человеком окружающего пространства* [Tuan 1976]. Опираясь на феноменологический подход в философии и герменевтическую методологию, возникают концепция *ландшафта как текста* и семиотические подходы к исследованию географического пространства.

Сложившаяся в результате взаимодействия этих двух тенденций тематика культурной/гуманистической географии действительно *очень близка российской гуманитарной географии*.

В то же время историко-генетические и динамические характеристики западной культурной/гуманистической и российской гуманитарной географии *кардинально различаются*.

Становление культурной/гуманистической географии *тесно связано с развитием географии в целом*: она серьёзно «вписана» в контекст смены парадигм в географии [см. Price, Lewis 1993; Tuan 2003; Gregory 1981]. Так, создание «новой культурной географии» связано с критикой традиционной школы К. Зауэра за излишнюю материалистичность; а возникновение гуманистической географии стало ответом на попытку бихевиористской географии описать математически поведение человека в пространстве. В 2000-е же годы сама культурная/гуманистическая география теряет популярность в связи с развитием так называемой критической географии. Критики указали на избыточное «увлечение» гуманистической географии репрезентациями в ущерб материальности ландшафтов и изучение геополитических образов власти вместо повседневных практик людей.

Ничего подобного не было в гуманитарной географии в России. Она во многом оказалась *оторванной от традиции других географических наук*, как российской, так и международной. При всей схожести тематики количество отсылок к разработкам культурной/гуманистической географии весьма ограничено. Зато российская гуманитарная география в большей степени «увязана» и укоренена *в структуралистской и постструктуралистской философии и семиотике*. Отчасти это можно объяснить тем, что в культурной/гуманистической географии за несколько десятилетий сложилась собственная традиция, генетически связанная во многом с теми же философскими основаниями – в России же опираться внутри географии было практически не на что.

В то же время эта методологическая оторванность гуманитарной географии сыграла ей «на руку»: фокус на исследованиях репрезентаций пространства и места не привёл в России к фактическому отказу от внимания к материальной основе ландшафтов, особенно в концепциях культурного ландшафта и мифогеографии. Соответственно, если в России появятся направления, близкие западной критической географии, то они, вероятно, будут органично встроены в гуманитарную географию, а не станут её антагонистами.

Есть и другие особенности методического и методологического свойства, отличающие гуманитарную географию в России от культурной/гуманистической географии Запада.

Так, в гуманитарной географии сложился «перекос» в сторону теоретико-методологических работ, а прикладных гуманитарно-географических исследований и особенно законченных методических разработок пока не хватает. Англо-американская культурная география, напротив, активно вовлечена в прикладные проекты, причём основанные, как правило, на социологических методах исследования и сфокусированные на конкретные ландшафты и/или конкретные группы людей. В российской гуманитарной географии наблю-

дается преобладание *case-study*, связанных с анализом вторичных источников, в частности, литературных произведений.

Гуманитарная география в России распространяет своё влияние на некоторые геополитические и – реже – экономико-географические исследовательские сюжеты; в то время как западная культурная/гуманистическая география наиболее тесно связана с социальной географией.

Таким образом, на наш взгляд, российская гуманитарная география и в общемировом контексте подтверждает свой статус *специфической российской научной школы в географии*. Её тематика близка англо-американской «новой культурной» и гуманистической географии – но налицо историко-генетические, методологические и методические отличия.

Между географией и гуманитарными науками

Несмотря на вышесказанное, мы рискнём предложить своеобразный международный аналог российской гуманитарной географии. Для этого обратим внимание на одну из упомянутых выше особенностей этой российской школы: «*дрейф*» в сторону философии и гуманитарных наук и тенденцию к расширению предметной области самой российской географии.

Это методологическое обращение гуманитарной географии органично совпало со становлением так называемого «пространственного поворота» в социальных, гуманитарных науках и философии [Трубина 2011; Митин 2011б]. В западной общественной географии он также не оказался незамеченным: в этой связи полезно упомянуть проект Ассоциации американских географов «География и гуманитарные науки» (*“Geography & the humanities”*), собравший несколько конференций и семинаров и «вылившийся», как минимум, в две серьёзные публикации [Envisioning... 2011; GeoHumanities... 2011].

В предисловии к первой из книг проекта Д. Ричардсон отмечает «активное вовлечение географических аспектов в гуманитарные науки и творческие индустрии, да и в общественную жизнь в целом» [Envisioning... 2011: xix]. Далее в «Прологе» Д. Косгроув обращает внимание на общее и особенное в связях культурной/гуманистической географии с социальными и гуманитарными науками: «“Культурный поворот” заставил географов использовать материалы и методы гуманитарных наук, например, при интерпретации текстов и образов <...>. “Новая культурная география” второй половины XX века разрушила границы между гуманитарными и социальными науками. <...> Но всё же между ними остаются различия. Индивидуалистские, рефлексивные и педагогические приёмы гуманитарных наук противостоят коллективистским и сциентистским подходам социальных наук; <...> и эти различия находят своё отражение в географии» [Envisioning... 2011: xxiv].

Наблюдаются глубокие «интервенции» географических дискурсов в гуманитарные науки (в большей степени, чем в социальные науки в рамках «новой культурной географии») и современное искусство и – обратно – гуманитарно-научных методов в географию и в социальные науки. Их итогом становится формирование специфической междисциплинарной области знаний с размытыми границами и нечётким наименованием «*Geography & the humanities*». И именно эта междисциплинарная и пока не определённая до конца предметная область, на наш взгляд, наиболее «созвучна» российской гуманитарной географии.

Предложенный в книге [GeoHumanities 2011] неологизм «*Geohumanities*» мы предлагаем использовать как англоязычный перевод термина «гуманитарная география» – в узком смысле, разумеется.

Литература

- Агафонов Н.Т. О сущности и основных задачах советской социальной географии // Известия ВГО. 1984. Т. 116. №3. С. 205-211.
- Баранский Н.Н. О создании серии экономико-географических монографий по республикам и областям // Баранский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. Изд. 2-е. М.: Географгиз, 1960. С. 81-89.
- Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Известия ИРГО. 1915. Т. 51. №9. С. 463-475.
- Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.
- Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география в начале XXI в.: к методологии научного познания // Известия РГО. 2007. Т. 139. №4. С. 1-18.
- Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2010.
- Гладкий Ю.Н., Петров А.Н. Гуманитарная география: понятийный статус и самоидентификация // Известия РАН. Сер. геогр. 2008. №3. С. 15-25.
- Гохман В.М. Общественная география, ее сущность, структура // Вопросы географии. Сб. 122. Теоретические аспекты географии. М.: Мысль, 1984. С. 57-64.
- Дмитревская Н.Ф., Дмитриевский Ю.Д. Проблемы инфраструктуры в новых направлениях экономической и социальной географии // Социально-экономические и экологические аспекты географии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 81-91.
- Дружинин А.Г. География культуры: теоретико-методологический аспект. Ростов-на-Дону: Сев.-Кав. филиал ГО АН СССР, 1989.
- Дружинин А.Г. От гуманизации к геогуманизации российской социально-экономической географии: тренды, проблемы, приоритеты // Южно-российский форум. 2011. №1(2). С. 34-51.
- Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.
- Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетей, 2003.
- Замятин Д.Н. Гуманитарная география [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / Отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2005. С. 332-334.
- Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.
- Замятин Д.Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. 2010. №4. С. 126-138.
- Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: Методологические и теоретические подходы / Отв. ред. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2008.
- Замятина Н.Ю. Взаимосвязи географических образов в страноведении: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. М.: Географический фак-т МГУ, 2001.
- Замятина Н.Ю. Использование образов мест в преподавании страноведения и градоведения // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1 / Отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2004. С. 311-326.
- Замятина Н.Ю., Митин И.И. Гуманитарная география // Большая Российская энциклопедия. Т. 8. Григорьев – Динамика. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. С. 151.
- Исаченко А.Г. О гуманитарной географии, геосистеме, ландшафте и терминологическом фетишизме (по поводу статьи Ю.Н. Гладкого) // Известия РГО. 2008. Т. 140. №1. С. 27-35.

Кабо Р.М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Сб. 5. География населения. М.: ОГИЗ, 1947. С. 5-32.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.

Ковалёв Е.М. Гуманитарная география России. М.: Варяг, 1995.

Крылов М.П. Пространственная дифференциация региональной идентичности в Европейской России // Города и городские агломерации в региональном развитии / Под ред. Ю.Г. Липеца. М.: ИГ РАН, 2003. С. 103-112.

Культурная география / Науч. ред. Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский. М.: Институт Наследия, 2001.

Культурный ландшафт: Вопросы теории и методологии исследований / Семинар «Культурный ландшафт»: второй тематический выпуск докладов. М.-Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.

Культурный ландшафт: Теоретические и региональные исследования. Третий юбилейный выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт» / Отв. ред. В.Н. Калуцков, Т.М. Красовская. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.

Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв. (геокультурный аспект) / Науч. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия, 1998.

Лавров С.Б. Становление социальной географии: мнимые противоречия и реальные проблемы // Социальная география Калининградской области. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 1982. С. 12-18.

Ливинская О.А. Понятие культурного ландшафта в отечественной географии // Псковский регионологический журнал. 2012. №14. С. 120-128.

Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Возрождение, 2002.

Митин И.И. Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности // Международный журнал исследований культуры. 2011а. №4. С. 19-25.

Митин И.И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. 2011б. №1. С. 62-73.

Митин И.И. На пути к региональной культурной географии: опыт англо-американских географов XX века // Псковский регионологический журнал. 2012. №13. С. 3-11.

Николаенко Д.В. Гуманитарная география: проблемы и перспективы. [Симферополь: Симферопольский гос. ун-т, 1984. – Деп. УкрНИИТИ №543-Ук-Д84] // Сочинения Д.В. Николаенко. Т. 2. <http://www.hiv-aids-epidemic.com.ua/past-0010.htm>.

Соколова А.А. Гуманитарная география: к вопросу о делимитации границ предметной области // Известия РАН. Сер. геогр. 2011а. №5. С. 109-118.

Соколова А.А. К вопросу о гуманитарных направлениях в географии: трудности диалога // Региональные исследования. 2011б. №3(33). С. 59-69.

Стрелецкий В.Н. Этническое расселение и география культуры // СССР – СНГ – Россия: география населения и социальная география. 1985-1996. Аналитико-библиографический обзор. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 396-466.

Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия РАН. Сер. геогр. 2002. №4. С. 18-28.

Стрелецкий В.Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Известия РАН. Сер. геогр. 2008. №5. С. 21-33.

- Суший С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1994.
- Трубина Е.Г. Преподавая «поворот к пространству»: зачем, кому и вместе с кем // Топос. 2011. №1. С. 39-61.
- Чихичин В.В. Географический анализ образов городов Ставропольского края: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Ставрополь: Ставропольский гос.ун-т, 2006.
- Cosgrove D., Jackson P. New directions in cultural geography // *Area*. 1987. Vol. 19. No. 2. P. 95-101.
- Daniels S., Cosgrove D. Introduction: The iconography of landscape // *The iconography of landscape: Essays on the symbolic representation, design and use of the past environments* / Ed. by S. Daniels, D. Cosgrove. Cambridge: Cambridge Un-ty Press, 1988. P. 1-10.
- Envisioning landscapes, making worlds: Geography and the humanities / Ed. by S. Daniels, D. DeLyser, J.N. Entrikin, D. Richardson. L.-N.Y.: Routledge, 2011.
- GeoHumanities: art, history, text at the edge of place / Ed. by M. Dear, J. Ketchum, S. Luria, D. Richardson. L.-N.Y.: Routledge, 2011.
- Gregory D. Human agency and human geography // *Transactions of the Institute of British Geographers. New Series*. 1981. Vol. 6. No. 1. P. 1-18.
- Price M., Lewis M. The reinvention of cultural geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1993. Vol. 83. No. 1. P. 1-17.
- Rowntree L.B. Cultural/humanistic geography // *Progress in human geography*. 1986. Vol.10. No. 4. P. 580-586.
- Rowntree L.B. Orthodoxy and new directions: cultural/humanistic geography // *Progress in human geography*. 1988. Vol. 12. No. 4. P. 575-586.
- Tuan Yi-Fu. Humanistic geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976. Vol. 66. No. 2. P. 266-276.
- Tuan Yi-Fu. Perceptual and cultural geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 2003. Vol. 93. No. 4. P. 878-881.